

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Не стреляйте в пианиста	5
Часть II. Леди и разбойники	83
Часть III. Братец Билл и братец Гарри.....	175
Часть IV. Преступный синдикат.....	294

1

Ручаясь, ни одному рассказчику не доводилось начинать свой рассказ в столь неудобном положении. Мою шею охватывала веревочная петля, руки были связаны за спиной, а кончиками пальцев ног я отчаянно пытался удержаться на гребне скользкого серого камня, явно не предназначенного для балетных упражнений. Другой конец веревки был закреплен на ветке толщиной этак с талию сенаторской жены, которая не склонна морить себя голодом. Думаю, если бы на этой ветке подвесили еще с десяток бедолаг вроде меня, она бы и то не треснула, и мысленно я уже видел сонм приветливо плещущих крыльями ангелов, готовых отконвоировать меня туда, откуда никто не возвращается. Кое-как мне удалось еще сохранить равновесие на этом треклятом камне, но я чувствовал, как петля все туже стягивается у меня на шее, и судорожно ловил воздух ртом. Со стороны, наверное, это могло выглядеть смешно, и мои палачи отнюдь не скрывали, что веселятся от души. Жаль, что я не мог посмеяться вместе с ними.

А ведь, казалось, все так хорошо начиналось!

Я приехал в Ларедо вскоре после Нового года. Ларедо — это заштатный тexasский городок, расположенный аккуратно на самой границе. До Мексики отсюда рукой

подать, и оттого в городе всегда обретается пропасть народу, питающего слабость к переездам, как-то: шулера, бандиты всех мастей, воры и скупщики краденного, конокрады и прочие милые люди. Нет только сутенеров, и то лишь потому, что монополия на местных шлюх давно уже принадлежит некоему Игнасио Санчесу. Он является хозяином трех игорных домов и лучшего борделя во всем штате Техас, образцового заведения, чья слава гремит от Восточного побережья до Западного, не минуя даже Аляски на севере. Кроме шлюх, Санчес содержит местную полицию, судью, мэра и собственного сына Франсиско, который обходится дороже всех прочих, вместе взятых. Слово сеньора Санчеса — закон, и благодаря ему Ларедо считается территорией, свободной от глупых условностей всех остальных законов. К преступникам он относится снисходительно и редко выдает их, и не один бандит, успевший вовремя перебраться через реку Рио-Гранде на мексиканскую сторону, обязан жизнью хозяину борделя.

Все это я знал о нем понаслышке и теперь решил, что настало время познакомиться нам лично. Кстати, я еще не представился сам — Риджуэй Стил, к вашим услугам. Вряд ли вы читали обо мне в газетах — я не фигурирую ни в светской хронике, ни в объявлениях «разыскивается полицией». Насколько я понимаю, я вообще ничем не знаменит. Ремесло у меня тихое и, можно сказать, почтенное: я профессиональный игрок в покер, фараон, монте, а также все, что душе угодно, и этим зарабатываю себе на жизнь. Дома у меня нет, семьи тоже, но к счастью это или наоборот — не знаю. Родом я из солнечной Калифорнии, однако постоянно кочую с места на место. Случилось так, что дорога привела меня в Ларедо, и, привлеченный молвой об этом городке и царящей в нем свободе, я решил задержаться здесь и оглядеться. Никаких особых дел у меня тут не было, да и не могло быть.

Я медленно ехал по главной улице, сдвинув шляпу на затылок и от нечего делать разглядывая прохожих. Стояла погода, обычная для этих краев, — что-то около 70 градусов*. Сухая мелкая пыль клубами поднималась из-под копыт моего коня, и я почувствовал, что мне не хватает океана, его убаюкивающей глаз лазоревой шири. Городок казался вымершим. Мне попалась скрюченная в три погибели старуха, чья кожа напоминала печеное яблоко, две смуглокожие черноволосые сеньориты (одна с изумительной длины ресницами), кабальеро, который небрежно курил сигару под навесом, привалившись плечом к столбу, и мальчик-калека без ног, сидевший в тени возле церкви с деревянной чашкой для монет и смотревший перед собой отчужденным, горделивым взором, который плохо вязался с его ремеслом попрошайки. Я спросил у него по-испански, какая гостиница в городе лучшая. Мальчик едва повернул голову в мою сторону, но все же ответил, что лучшая гостиница — «Мул и бочонок» на той же улице, через четыре дома. Я протянул ему монету, и она исчезла в его пальцах так быстро, что я подумал даже, не пригрезилось ли мне, что я только что держал ее в руках. Заглянув в чашку нищего, я заметил, что она пуста.

— Ладно, — обронил я небрежно, — а как тут в смысле игры?

Мальчик подтвердил то, что я уже знал: самые солидные игорные дома принадлежат Санчесу, и вход туда открыт любому, но за порядком следят строго, и, если ты попался на плутовстве или отказался уплатить проигрыш, могут быть серьезные неприятности.

— Только сегодня дома вряд ли откроются, — сказал мальчик, глядя на меня исподлобья.

— Это почему? — спросил я.

* По Фаренгейту, то есть около 20 градусов тепла по Цельсию.

На сей раз калека все же удосужился посмотреть мне в лицо.

— Вы друг сеньора Санчеса?

— Я даже не знаю его.

— У него произошло несчастье.

Я насторожился.

— Несчастье? Что за несчастье?

— Его сын, Франсиско, умер этим утром. Вот такие дела.

Не скажу, чтобы я был очень опечален этой смертью, но я определенно подумал, что мне везет, как всегда. Мой ангел-хранитель в очередной раз показал мне фигу.

— Мне очень жаль, — сказал я все же. Из чистого приличия. Кроме того, я не сомневался, что в таких городках, как Ларедо, каждое слово становится известно окружающим и незамедлительно доводится до сведения кого следует. Я не исключал того, что Санчес будет знать о моем прибытии еще до того, как я явлюсь в гостиницу, и поэтому следовало быть особенно осторожным в выборе выражений. — Представляю, как это должно быть неприятно... Отчего он умер?

У калеки вырвался озорной смешок. Его глаза сверкнули.

— Его убили. Всадили ему пулю в живот, представляете? Подыхая, он скулил как собака. Он не хотел умирать, но все-таки умер. Сеньор Санчес — богатый человек, но даже он не смог выкупить у Бога душу своего сына.

И вновь смешок. Честное слово, я слегка опешил.

— Похоже, ты его не слишком любил, — заметил я.

— Еще бы. — И в черных глазах его вновь сверкнула — как лунный свет на лезвии ножа — неугасимая ненависть. — Ведь это из-за него я стал тем, что я есть.

Я поглядел на обрубки, торчащие вместо ног. Да, этот мальчик определенно имел право ненавидеть того, кто сотворил с ним такое.

— Он ехал на лошади, — пояснил мой собеседник, дернувшись всем телом. Рот его жалобно покривился. —

И проехал прямо по мне. На полном скаку. — Он улыбнулся злой, совсем взрослой улыбкой. — А теперь я увижу, как его будут хоронить. Хорошо, что он сдох.

Как и все страдающие люди, этот ребенок и ненавидел свою боль, и лелеял ее. Последнее слово он произнес с особым удовольствием.

— Я думал, Санчес — хозяин города, — заметил я осторожно. — Как же такое могло произойти с его сыном?

— А-а, — протянул мальчик. — Его застрелила девушка, которую они вчера привезли.

Я облился холодным потом и тоскливо оглянулся на желтую от пыли улицу. Положительно, этот город нравился мне все меньше и меньше.

— И что же с ней стало?

— Ничего. Она сбежала. — Калека усмехнулся. — Ранила привратника борделя, охранника и мамашу Чавес. Вот так. Надеюсь, они ее никогда не найдут, не то ей плохо придется.

Я понял, что он говорит о девушке, а не о мамаше Чавес.

— Сегодня все идут к Санчесу, — продолжал калека, вертя в руках чашку, — выразить соболезнования по поводу его сына. Даже бордель и тот закрыли, пока Франсиско не похоронен.

Это уже было и впрямь серьезно. Я достал платок и вытер лоб под шляпой.

— Наверное, мне тоже стоит туда сходить, как ты думаешь?

Его глаза погасли. Он отвернулся с деланным безразличием.

— Делайте что хотите, сеньор.

— Не сердись, мальщ, я всего лишь гость в этом городе и не хочу ни с кем ссориться. Как мне найти дом Санчеса?

Нищий вздернул подбородок.

— Поезжайте по этой улице прямо. Как увидите свинью, сверните налево. У Санчеса единственный в городе дом в три этажа.

— Свернуть после свиньи? — озадаченно переспросил я, решив, что забыл испанский.

— Да, она всегда лежит на одном и том же месте.

Я опустил еще одну монетку в его ладонь, поблагодарил за сведения и поехал в «Мул и бочонок». Это было простое здание в два этажа с покатою крышей. В зале девушка с небрежно подколотыми прядями волос подметала пол, скорее взметая пыль, чем наводя чистоту. За стойкой стоял хозяин. Один вид его здоровенных кулаков, которыми он опирался о прилавок, мог усмирить четверку взбесившихся лошадей. Несколько человек за столом у окна играли в монте, и, проходя мимо, я заметил краем глаза, что по меньшей мере двое из них играют нечисто.

— Гринго? — прохрипел хозяин, недружелюбно оглядывая меня с ног до головы.

Я изобразил на лице улыбку.

— Мальчик у церкви сказал, что у вас лучшая гостиница.

— Это мой племянник. — Настороженности в его лице заметно убавилось, и эта фраза получилась у него мягче, чем предыдущая. — Ладно, ступай за мной. Лошадь оставь Пепе, он о ней позаботится. Надолго в наш город?

— Как получится.

Я заплатил за два дня вперед, сел на кровать, бросил сумку на стул и огляделся. Бедно, но более-менее чисто, правда, простыни несвежие, но вряд ли в Ларедо на такие мелочи обращают внимание. В дверь кто-то тихонько поскребся, и мгновение спустя на пороге показалась та самая растрепанная девушка, которую я уже видел с метлой в руках. Она сделала книксен, мило улыбнулась и протянула мне кувшин с водой.

— Не желает ли сеньор что-нибудь еще?

Вопрос был дьявольски двусмысленный. Сеньор желал кучу вещей, в частности очутиться сейчас где-нибудь в другом месте, где игорные дома открыты и траур не соблюдают столь неукоснительно, но любопытство призывало его остаться.

— Расскажите мне о сыне Санчеса.

Она шмыгнула носом, плюхнулась на стул (с которого я уже успел убрать сумку) и стала всхлипывать. Ах, Франсиско! Такой красавчик, такой обходительный, такой... такой мертвый! И подумать только, что его пришила какая-то потаскуха, которая и гроша ломаного не стоит. Впрочем, сеньор Санчес отвалил за нее целых триста пятьдесят долларов, но как смела она прикончить Франсиско, который и мухи не обидел? Такие, как эта девица, позорят весь женский род, и Эухения (фею метлы звали именно так) искренне надеется, что с нее живьем сдерут кожу, когда поймают.

Я подумал, что было бы по меньшей мере неразумно сдирать кожу с леди, которая стоит столько же, сколько небольшой дом с участком в придачу, но мысли свои оставил при себе.

— А сеньор Санчес сейчас у себя?

— Да, — оживилась Эухения, — тут недалеко, дойти до свиньи и повернуть...

Решительно в этом городе некуда было деваться от магической свиньи. Я поблагодарил Эухению, вручил ей монетку и намекнул, что хочу побыть один.

Она ушла, как мне показалось, нехотя. Я умыл лицо и руки и в который раз спросил себя, что я забыл в этом городке; но, в конце концов, он был не лучше и не хуже других, и у его обитателей наверняка имелись деньги, которые они мечтали спустить мне в карты если не сегодня, то завтра точно. К тому же я уже уплатил хозяину за два дня.

Не додумавшись более ни до чего особенного, я заказал себе еду в номер, поел и решил прогуляться. Тени

удлинились, и повеяло вечерней прохладой. Народ высыпал на улицы, переговариваясь с чисто мексиканской неутомимостью. Я прошагал добрые триста шагов, но никакой свиньи не заметил. То же самое повторилось еще через триста шагов: я уперся в ограду кладбища и должен был вернуться. Солнце садилось за горизонт. Оно было не желтое, не красное, не золотое, а белое, сухое и неласковое. И из этого солнца на меня выехал всадник.

Я едва успел отпрянуть к стене. Всадник был запыленный, уставший и хмурый, как и его лошадь. На вид ему было лет шестнадцать, если не меньше, выгоревшие на солнце волосы спускались из-под шляпы на глаза. На шее всадника красовался щегольский платок, по-моему, сиреневого цвета, за поясом торчали два револьвера. Едва не налетев на меня, он слегка тронул отделанную перламутром рукоятку правого из них, и это движение мне не понравилось. Больно уж уверенным оно было.

— Ты, мистер, того, смотрел бы, куда идешь, — неприятно проговорил всадник горловым мальчишеским голосом.

Оглядев меня с головы до ног, он тронулся с места. От его взгляда у меня остался неприятный осадок, и я подумал, что старею, раз любой сопляк с кольцом «Громовержец» сорок первого калибра позволяет себе задевать меня. Но делать было нечего. Он уехал, а я вновь отправился на поиски пресловутой хавроньи.

Старик с тремя зубами в нижней челюсти, радостно ослабившись, сообщил мне, что свинья заболела и поэтому отсутствует на обычном месте. Теперь я понимаю, что это был знак. Знак поскорее убираться из города, пока все еще не пошло кувырком. Но я не внял ему и, получив более человеческие разъяснения по поводу того, как найти дом властелина шлюх, зашагал к нему, осторожно обходя по дороге кучи гниющего мусора, валявшиеся там и сям.

2

Дом Санчеса и впрямь насчитывал три этажа. По сути, это был не дом, а целый особняк, белый, гармоничный и стройный. Стиль этот, кажется, называется колониальным, но все равно — странно было видеть такое здание после дощатых хибар и немудреных построек, заполонивших улицы Ларедо. Перед домом, словно часовые (или девицы из кордебалета — смотря какое сравнение вам больше по вкусу), выстроились пальмы и еще какие-то деревья, отбрасывавшие на фасад красивую ажурную тень. Вместе все выглядело весьма впечатляюще, но, признаться, в особняке было что-то от шлюх, которые не скрывают, что влетают покупателям в копеечку. От него разило деньгами, причем большими. Я решил, что дело свое Санчес знает, и знает его хорошо.

У смуглых слуг были горестные лица, соответствующие требованиям момента. Разные люди входили в дом и выходили из него, и мне подумалось, что нет причин не заглянуть туда и мне. Внутри пахло потом, пылью и скорбью. Мебель, сколько я заметил, пыталась ослепить роскошью а-ля *second empire**, но обстановка все равно неизбежно наводила на мысль о борделе, только дорогом. Вы назовете меня циником и будете правы: циник видит вещи, а не их маски, и для него спасительные покровы лицемерия ничего не значат. Чем больше Санчес пытался богатством отгородиться от своего ремесла, тем настойчивее оно напоминало о себе: кричащие обивки были дурного тона, а обилие зеркал наводило тоску.

Мужчина, поднимавшийся по лестнице впереди меня, снял шляпу, и я, спохватившись, последовал его примеру. Наконец мы вошли в комнату, где в гробу лежал покой-

* В стиле второй империи (*фр.*); имеется в виду аляповатый кричащий стиль.

ный. Никогда мне еще не приходилось видеть разом столько рыдающих шлюх, и я остановился как вкопанный. Их было там не менее двух дюжин, и они причитали на разные голоса, вспоминая добродетели Франсиско, щедрость Франсиско, пылкость Франсиско и бог знает что еще. Двое монахов истово молились, стоя на коленях и шевеля губами; третий вошел следом за мной и присоединился к ним. Я посмотрел на Франсиско: пресловутый красавец, которого так красочно мне описала Эухения, был жирный, волосатый и кривоногий, с приплюснутым носом и выпяченными губами. Впрочем, известно, что, если у тебя водятся деньги, ты можешь иметь два горба и три глаза, и все равно многие будут считать тебя неотразимым. На лице покойного застыло страдание, но и это не примирило меня с ним. Он мне не нравился мертвый и, я уверен, не понравился бы живой. Я мог представить себе всю его жизнь: женщины, выпивка, сальные шуточки, от которых он наверняка был без ума, и опять женщины. Могу поспорить, что он всегда расчетливо играл по маленькой, но, когда ему случалось проигрывать, выходил из себя и с размаху швырял карты на стол. Скорее всего, он был не в меру суеверен, говорил надменно и спесиво, как истый хозяин жизни, а напившись, первым делом вытаскивал нож и грозился прирезать любого, кто, как ему мерещилось, пытается его задеть. Над его головой вились две жирные мухи.

Чуть поодаль у гроба стоял маленький человечек с седой волнистой гривой до плеч, умным живым лицом и осанкой короля. Он отдаленно походил на Франсиско, и я понял, что это его отец, Игнасио Санчес. Подойдя к нему, я пробормотал несколько слов утешения, как и все остальные посетители, и поспешил вернуться под сень торговых палм. Когда я уходил, одна из присутствовавших девиц схватила руку убитого и стала покрывать ее поцелуями, а вторая принялась биться головой о гроб.